

Камские дали

Другой пермский художник Евгений Широков всю жизнь пытался перепрыгнуть «Первый успех» Оборина, но его известность была «пожиже»: портрет балерины Надежды Павловой тоже вышел на обложке журнала, но «Юности», тиражом значительно меньшим, одну из его картин — портрет Астафьева — взяли в Третьяковскую галерею, но не в постоянную экспозицию, а в запасники... Зато Широков всех победил материальным успехом и регалиями — тут ему не было равных, однако к искусству это имеет отношение очень опосредованное.

Ещё он обставил Оборина и других пермских художников позиционно: они все были в его власти. Как бессменный председатель художественного совета, Широков в Пермской области имел почти неограниченную власть. «Дебри с нечистой силой», — так Оборин в своих записях однажды назвал ситуацию с оплатой одной из своих работ.

Тяжело про это говорить, но придётся: под конец своей жизни прославленный пермский художник очень бедствовал. Его дочь рассказывает, что в 1997 году, когда ему исполнялось 80 лет, не

ЕСЛИ БЫ НЕ ВОЙНА,
В ПЕРМИ МОГЛА БЫ
СЛОЖИТЬСЯ СВОЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ШКОЛА, НЕ МЕНЕЕ
ИНТЕРЕСНАЯ,
ЧЕМ БАЛЕТНАЯ
ИЛИ ИНЖЕНЕРНАЯ

было даже возможности накрыть стол для немногочисленных гостей.

Впрочем, к стеснённым условиям ему было не привыкать. Когда готовили праздничное издание к 50-летию Пермского отделения Союза художников, его спросили о самом светлом периоде его жизни. Он ответил слегка невпопад, зато честно: «Наша вечная бедность и борьба за существование. Мечты о мастерских и сплочённый коллектив».

За скобками остался и ответ о личной жизни: самым светлым периодом жизни был, конечно, брак с Галиной. С её смертью жизнь его пошла в другом регистре.

«Как мою маму все любили, какой она была талантливой умницей, какой обаятельной и простой была! — говорит Елена. — Мы на пленэр в Коми-округ всей семьёй ездили. Тогда же просто было: стучались в деревне в любую избу, и нас кормили и пускали переночевать, как правило на сеновал. Моя мама так умела слушать, так разговаривать с хозяйками, что они расставались с ней со слезами на глазах и просили ещё приезжать».

Познакомились они с Петром Обориным в художественном техникуме, который тогда, в 1935 году, размещался в начале улицы Газеты «Звезда», в здании, где сейчас находится спортивный диспансер. Это было уникальное учебное заведение, и, если бы не война, в Перми могла бы сложиться своя художественная школа, не менее интересная, чем балетная или инженерная.

В техникуме был очень сильный преподавательский состав. Начнём с того, что его первым директором был Пётр Субботин-Пермяк, продолжим тем, что его выпускник Виктор Орешников с 1953 по 1977 год был ректором